

День, который не изменить

Автор:

Борис Батыршин

День, который не изменить

Борис Борисович Батыршин

Кто знает, что за приложение может оказаться в самом обычном смартфоне? А вдруг оно возьмет, да и превратит гаджет в карманную машину времени? И тогда обычные подмосковные школьники смогут попасть на поле Бородина, погонять кавадрокптер над изрыгающей огонь батареей Раевского, увидеть атаку «железных людей» Наполеона, познакомятся с русскими егерями и ополченцами. И это будет лишь первое путешествие – в следующий раз диковинный гаджет занесет их... куда? «День, который не изменить» закончится не скоро, и наших героев ждет множество приключений.

Борис Батыршин

День, который не изменить

День, который не изменить

Фантастическая повесть

I. Летнее утро

Двух месяцев не прошло, как семья Серёжиных перебралась из шумного мегаполиса в Подмоскovie, в этот утопающий в зелени городок. Здесь располагается знаменитый на всю страну Физический институт, и в нём Витиному папе – кандидату физических наук Петру Петровичу Серёжину – дали лабораторию. И не обычную, скажем, химическую. Хроноквантовую. Новому завлабу немногим больше тридцати лет, и он, как уверяют коллеги, вот-вот потрясёт мир открытием. И тогда... а вот что будет тогда никто объяснить не может. Отец, когда Витька пристаёт с расспросами, сыплет непонятными словами и рисует на бумаге разноцветные кривые. И сердится, когда сын не понимает.

А как его понять? «Временные потоки», «пересекающиеся мировые линии», «хроноквантовые пробои» – в школе это не проходят! Мальчик понял только, что работа отца связана с изучением времени. Дядя Саша Данилин, папин коллега, шутил, что «закончит наш Петюня исследование – и будем к динозаврам ездить!» А отец смущённо улыбался и добавлял: «главное, насекомых там не давить». Витька помнил фантастический рассказ, в котором охотник нечаянно раздавил в прошлом бабочку и этим изменил будущее. Отец, конечно пошутил: всем известно, что путешествий во времени не бывает.

В спальном районе, где раньше обитали Серёжины, детей старались не оставлять на улице без присмотра. Здесь же жителей немного, с соседями они перезнакомились в первые же дни. Благо, многие тоже работали в Физическом Институте. В Москве Витька редко выбирался на улицу. Да и зачем? Гулять толком негде: малышовые площадки с песочницами и качелями, чахлый скверик с облезлыми скамейками, ближайший парк в трёх остановках. А тут в конце улицы пруд, за ним перелески, луга. Когда-то на месте квартала была деревня; до сих пор в глубине одичавшего сада можно найти прогнившие брёвна развалившихся срубов и заросшие травой погреба.

Школа стоит на другом конце улицы. Витька пока там не был – начало августа, учёба начнётся лишь через три с лишним недели. Он впервые менял место учёбы и немного переживал: как-то встретят его на новом месте? Школу хвалили: факультативы по физике и математике ведут сотрудники Института, полно интересных кружков, а подготовка такая, что никакой ЕГЭ не страшен. Витю это устраивало – он твёрдо решил стать, как отец, учёным, но пока не знал, каким именно. Может, тоже физиком? Правда, в седьмом классе он не на шутку увлёкся историей, даже вступил в исторический кружок.

С будущими одноклассниками он уже успел познакомиться – на лугу за прудом, где ребята запускали радиоуправляемые модели самолётов. Там нет ни проводов, ни рекламных щитов, ни коварных воздушных завихрений от многоэтажек – раздолье, главное не загнать летучую машинку в кроны деревьев. А Витькиному квадрокоптеру и это нипочём, мальчик уже пять раз вытаскивал его из переплетения ветвей.

Вообще-то мини-беспилотник принадлежал Серёжину-старшему (он увлекался съёмками диких животных и ездил для этого со своим другом Данилиным в Сибирь и на Камчатку) но мальчик неплохо освоил управление и частенько брал отцовский квадрокоптер.

По вечерам Витя устраивался с игровой приставкой или с книжкой в гостиной, на кресле, краем глаза наблюдая, как отец разбирает бумаги. Мама сердилась: дома надо заниматься семьёй, а для работы есть лаборатория. Отец беспомощно улыбался и соглашался, но всё равно каждый вечер вытаскивал из кейса кипу папок, флешки и диски.

А сегодня суббота, родители собрались на пикник к Данилиным. Витьку тоже звали, но он отказался: шашлыки, конечно, дело хорошее, но торчать на даче, где ни одного ровесника, только сопливая малышня – скука смертная! Он, Витька, человек взрослый и может остаться дома один.

– Только не вздумай ходить в «МакДональде»! В холодильнике котлеты с макаронами, поставишь в микроволновку...

Мама терпеть не может, когда он перекусывает в фастфудах. В Москве бороться с этим не получалось, зато здесь на весь город единственный «МакДональде», да и тот в центре. Тащиться туда по жаре ради пары гамбургеров – охотников нет. Да и некогда, сегодня на лугу воздушные гонки.

В дверях комнаты появился отец, довольный, улыбающийся. Из сумки на плече остро пахнет уксусом и какими-то приправами – Пётр Петрович Серёжин славился не только научными достижениями, но и умением мариновать баранину для шашлыков. Витя сглотнул слюну – ему представились куски мяса на шампурах вперемешку с луковичками. И запах...

Он решительно помотал головой. Нет уж, дело прежде всего!

II. Загадочный гаджет

Проводив родителей, Витя вышел на балкон. В такое утро, после ночного дождика, глупо торчать в комнате. Ожидается чего-то радостного и необыкновенного, впереди длинный день, и ещё не скоро позовут спать. А сегодня и вовсе не позовут – родители ночуют у Данилиных. Вот здорово!

Запиликал смартфон.

– Всё, Миха, предков отправил, скоро буду!

Это Мишка Сугорин, новый приятель и владелец модели двухмоторного бомбардировщика «Пе-2». Им предстоит учиться в одном классе – в 8-м «Б». Миша нетороплив, слегка неуклюж – широкие плечи, походка вразвалочку. Носит рубашки из серого домотканого льна и такие же штаны, которые он называет смешно – «порты». К такой одежде семью приучила Мишкина мама, поклонница старинных традиций. Она шьёт сама, не пользуясь швейной машинкой – вручную, иголкой с нитками! Мишка как-то пошутил, что матушка, была бы её воля, и лапти заставила бы носить.

Опаздывать не стоило. Витька в гонках не участвовал, его выбрали судьёй – мощная камера квадрокоптера позволяет обзирать трассу с большой высоты.

Гонки закончились быстро. Никому из участников не удалось пройти и половины дистанции, а три самолётика и вовсе врезались в землю.

– Надо будет поработать с виражами. А на прямых ты и так всех делаешь, как стоячих!

Витя, как мог, старался поддержать приятеля. Мишке не повезло – на крутом вираже его самолёт зацепил плоскостью куст. Когда ребята подбежали к месту падения, то увидели, что хвост несчастной «пешки» торчит из травы, подобно своему прототипу, сбитому зенитным огнём где-нибудь над Курском.

– Поработаешь тут! Правая плоскость пополам.

– Можешь квадратик погонять... – неуверенно предложил Витя.

– А толку? Управление другое, скорости нет...

Возразить было нечего.

– Слушай, а пошли ко мне? Посмотрим, что с крылом, может, склеим?

Крыло склеили. Мишка, пыхтя от напряжения, прилаживал на место деталюшки, а Витька стал бродить по квартире. Приятель не допускал чужие руки к своей драгоценной «пешке», да и работы на двоих не хватало. Котлеты с макаронами разогреты и по-братски поделены; литровая бутылка кваса пуста. Оставалось маяться от безделья, пока высыхает клей.

Он скуки Витя стал перебирать листки, оставленные отцом на столе. Графики, листки, сплошь покрытые колонками цифр и математическими значками, снова графики. А это что?

Плоский брусок размером с блокнот-еженедельник. Чёрный экран, на боковой стенке – панель с россыпью разъёмов, среди которых есть и Micro-USB. Какое-то колёсико, тоже металлическое... Прибор не походил ни на планшет, ни на смартфон. Может, внешний диск? Витька воткнул шнурок в ноутбук. Тут же появилось сообщение – «обнаружено новое устройство». Окошко висело непривычно долго, и мальчик уже пожалел, что рискнул подключить незнакомое устройство к компу. Хотя, отец крайне осторожен в отношении вирусов, защита у него первоклассная...

Экран наконец, мигнул, развернулось меню:

«Детектор-распознаватель хронопобоя активирован.

Включить программу распознавания?»

Есть!

Витька ткнул мышкой в квадратик с зелёной галочкой.

«Опознаны действующие хронопробои – 3. Показать список?»

Да, конечно, ещё бы не показать!

На этот раз в окошке высветилось:

1895 year BC. Not available.

609 year AD. Not available.

1812 year AD. Available.

И ниже кнопка:

«Show location?»

По спине поползли щекотные капли. Он знал, что значат буквы BC и AD – так в западной литературе принято обозначать исторические даты, «до нашей эры» и «нашей эры». Если верить гаджету, где-то рядом – три «хронопробоя», портала, «червоточины», или как их ещё называют фантасты? Одним словом – проход в прошлое. Причём, два недоступны, а вот третий – наоборот. И прибор предлагает его показать! Ничего себе... это что, игрушка такая?

Ладно, посмотрим, раз предлагают.

На экране возникла ГУГЛ-карта. Витька перетащил ползунок, и карта увеличилась, показав схему их городка. В саду, за прудом – рядом с их улицей! – кружочек с цифрой «три». Значит, это и есть «хронопробой»?

Витька ткнул курсором, карта сменилась. Теперь она стала совсем другой: стиль «ретро», стилизованные значки деревьев, церквушек, неровные полоски... река? А вот название: «р. Колочь». Речка петляет вдоль дороги, мост, дома – целая деревенька.

Витьку снова прошиб пот – на этот раз ледяной.

– Мих, бросай свой аппарат, смотри, что тут есть!

Над схематичным изображением деревеньки протянулась надпись тем же вычурно-старомодным шрифтом:

Сгьло Бородино

В углу карты – окошко-таймер:

25. 08.1812.

И рядом, помельче:

23.15.25.

Бледно-зелёные цифры мигали, отсчитывая секунды. Вечер, двадцать пятое августа, четверть одиннадцатого... а год?!

Ну ничего себе...

– Это что же, машина времени?

На этот раз карта возникла прямо на экране загадочного гаджета.

– Машин времени не бывает... наверное. – неуверенно отозвался Витька. – А эта штука находит следы... не знаю чего. Может, информационного поля?

Мишка с уважением посмотрел на приятеля, и тот, почувствовав успех, принялся развивать тему:

– Есть теория, что все события в мире оставляют след в информационном поле Земли. Их эта штука и ловит – те, что не растворились в общем потоке информации. Помнишь, в списке были ещё два «пробоя» в совсем древние времена? Они, наверное, «растворились», но не совсем – детектор их «видел», но нечётко. Потому и показал: «недоступно». А этот, в 1812-й год, доступен!

– Так мы сможем туда попасть? И увидеть живого Наполеона? – Мысль пришлась приятелю по душе. – Ух ты, пошли скорее, пока и этот не растворился!

Нужное место оказалось в заброшенном саду, слева от пруда. По границе давно сгнившего забора буйно разрослась малина с крапивой, и Витька подумал, что в глубине должны остаться ягоды – последние, перезрелые, самые сладкие, – и надо бы сюда наведаться. Интересно, а на Бородинском поле малина растёт?

Гаджет пискнул и задрожал, как мобильник со включённым виброзвонком. Витька сделал несколько шагов – дрожь стала слабее. Что ж, сыграем в «горячо-холодно»...

Мишка, уловив взгляд приятеля, полез в гущу кустов. И принялся ворочаться там, хрустеть ветками, словно медведь в малиннике! Августовская крапива жгучая, но Мишке нипочём: рукава и штанины длинные, это вам не футболка с бермудами. Витька пробирался по просеке, проделанной приятелем, шипя от

боли, когда крапивный стебель задевал кожу.

Мишка замер.

Провал. Когда-то здесь был погреб, – осыпавшаяся по краям квадратной дыры земля, торчат гнилые доски. А внизу...

– Вить... голос приятеля сделался сиплым. – Это и есть пробой?

В глубине клубилось лилово-мутное НЕЧТО. Гаджет бешено вибрировал, и в этот момент ОНО выбросило туманное щупальце. Ребята стояли, как замороженные, а в лиловой дымке, раскачивающейся на уровне лиц, вспыхивали и таяли цепочки огоньков. Они приковывали взгляд, манили, звали, затягивали...

Витька с Мишкой одновременно потянулись к лиловой диковине... и всё вокруг исчезло в беззвучной вспышке.

III. Ночные костры

Ночь звуков. Непривычных – ни машин, ни музыки из динамиков, ни даже лая собак. Глухая какофония из конского ржания, тележного скрипа, металлического лязга. И голоса – они сливались в неясное бормотание, из которого ухо вылавливало отдельные фразы:

– ... куды прёшь, храпоидол, не видишь, што ли, пораненный лежит! Креста не тебе нету!

– Васятка, воды принеси! И манерку[1 - Манерка – солдатская жестяная фляга с крышкой в виде стакана.] мою прихвати, для Бога прошу...

– Оно конечно, Евсей Иваныч, сукнецо у вас на шинели знатное, сносу ему не будет. А у меня корявое да редкое, аж просвечивает! Воры интенданты, истинное слово...

– ... уланские квартирьеры[2 - Квартирьер – военнослужащий, направляемый по пути следования части для поиска и распределения мест постоя.] нас из избвзашей попросили, а мы обиделись – как же так, мы, небось, тоже в удобстве ночевать желаем! И пошли по мордасам хлобыстать, токмо держись! А ихнее благородие господин поручик и командуют...

Витька огляделся – вокруг костры, сотни, тысячи костров. Те, что поближе, весело трещат поленьями, стреляют угольями; вокруг огня вповалку лежат, сидят, стоят люди в мундирах, будто вышедшие из кадра исторического фильма. Дымы дальних костров сливаются в сплошную пелену, то тут, то там подсвеченную оранжевым. На чёрном небе не видно звёзд, словно в центре Москвы, где глаза спят огни реклам, фары и уличные фонари. Но сколько же костров!

В темноте захрапело, ребята испуганно отпрянули. Прямо на них вынеслась оскаленная конская морда с чёрными, как крупные сливы, глазами навикате. На лбу перекрещены ремешки, усаженные блестящими латунными бляхами, в пасти лязгает какая-то железяка, летят клочья пены.

– Эй, юноша, осторожнее, так и под копыта угодить недолго!

От костра подскочили двое. Конь мотал башкой, солдат похлопал животину по бархатному носу.

– Ты, Прохор, коня расседлай и поставь у маркитанта на коновязи. – распорядился всадник, соскакивая с седла. Офицер, понял Витька. Запылённые сапоги со шпорами, шпага, высокая, двухугольная шляпа под мышкой...

– Так что, вашбродие Сильвестр Иваныч, нашего полку прибыло! – отрапортовал другой солдат. – Двое нижних чинов глуховского полка; вчерась в деле коней побило, а один легко раненый. От своих отстали – известно дело, кавалерия, куды-ы им своими ногами! Я, покамест, велел покормить...

– Правильно велел, Оладьев. – кивнул офицер. – Глуховский кирасирский полк со второй дивизией, в резервах стоит. От нас это верст пять, а то и поболее. Пусть у нас посидят, случится оказия – отошлём. Говоришь, были в деле при Шевардине? Давай-ка их сюда...

– Сей же час позову, а вы присядьте к огоньку, сейчас хлебово поспеет. А ну, расступись, дайте место господину прапорщику, притомились оне!

Ребят не заметили, а может, не обратили внимания. Велика важность – двое пацанов?

– Давай подберёмся, послушаем! – прошипел сквозь зубы Мишка. – Интересно же! За той хреновиной можно спрятаться...

«Хреновина» оказалась телегой, заваленной тюками грубой парусины и связками кольев. Витька опознал в них походные палатки – такие стояли за кострами, вперемешку с шалашами и навесами из жердей и соломы.

Из-под телеги торчали три пары босых ног, и доносился разноголосый храп. Рядом – пирамида, составленная из длинных, почти в рост человека, ружей. Гранёные штыки отсвечивали пламенем костра, замки (кремнёвые, это Витька точно помнил), аккуратно замотаны тряпицами. Часовой возле пирамиды опирается на мушкет, и прислушивается к разговорам у костра.

Увлечение историей не прошло бесследно. В кружке по случаю двухсотлетия битвы при Ватерлоо проводили викторину, и Витька, готовясь к ней, перелопатил массу материала. И теперь память сама подсовывала нужные сведения:

Русская армия, отступавшая от самой границы, от реки Неман, зацепилась за древнюю твердыню – Смоленск. Крепостные стены не в первый раз отражали нашествия с Запада, так что и в этот раз пришельцам пришлось заплатить за право прохода немалую цену. Армия под командованием Михаила Илларионовича Кутузова ещё некоторое время отходила к Москве, пока, наконец, не было выбрано место для сражения. Намеченная позиция перекрывала оба пути на Москву, и Старую, и Новую Смоленские дороги. Русские спешно возводили полевые укрепления – флеши[3 - Флеши – полевые укрепления. Состоят из двух фасов длиной 20–30 метров каждый, углом в сторону противника.], батареи, редуты[4 - Редут – укрепление сомкнутого вида, с валом и рвом, предназначенное для круговой обороны.] – а тем временем, на вынесенной впереди левого фланга позиции возле деревни Шевардино, разыгралась кровавая прелюдия к сражению. Наполеону был необходим этот высокий курган, чтобы устроить на его вершине командный пункт; русские же

всеми силами старались выиграть время, чтобы успеть оборудовать основные позиции. Утром 24-го августа корпус Даву переправился через речку Колочу близ села Валуево, и шевардинское дело завязалось перестрелкой.

Бой за редут продолжался весь день двадцать четвёртого августа, и закончился лишь в темноте. Курган несколько раз переходил из рук в руки, но в итоге остался за русскими – приказ отойти был отдан уже ночью. Витя помнил, что весь следующий день, двадцать пятого августа, обе армии готовились к сражению, а наутро Бородинская битва.

У огня гудели голоса. Вскочившие при появлении офицера солдаты рассаживались по местам. Накрыли шинелью бочонок, заботливо расправили складки. Офицер кивком поблагодарил и уселся, пристроив шпагу между колен. Денщик принял у него шляпу, вручив взамен полотняную фуражку. Витька заметил, что и солдаты все, как один, в суконных фуражках-бескозырках.

– Дай-кось маслица, Осип! – попросил пожилой егерь. Он стаскивал клеёнчатый чехол с цилиндрического предмета. Это оказался кивер, точно такой, как в исторических фильмах: чёрная толстая кожа, плетёные шнуры, чешуйчатый подбородочный ремень. На лбу кокарда в виде гранаты с зажженным фитилём. Витька пригляделся – в нескольких местах кивер продырявлен и старательно зашит.

Егерь, приняв у товарища склянку, нашарил в ранце тряпицу и принялся начищать головной убор. Ага, сообразил мальчик, эта штука вроде каски у современных солдат. Бескозырка – вместо пилотки или кепи, а кивер надевают в бою или на параде.

Мишка ткнул приятеля в бок.

– Помнишь Лермонтова? «Кто кивер чистил, весь избитый...»

Скрежетнул металл. Пожилой солдат по другую сторону костра, упёр в полено короткий клинок и теперь водил по лезвию точильным бруском.

– Круто! – восхищённо выдохнул Мишка. – Штык точит, как в стихах! И тоже усатый, гляди!

Обветренное лицо ветерана и правда, украшали висячие усы. Удивительно, подумал Витя, как много среди солдат людей пожилых. Впрочем, это понятно – служат по двадцать пять лет, вот и успевают состариться...

– Не штык это вовсе, а тесак – раздалось у них за спиной. – Пехоцкая полусабля, по уставу нашему брату положенная, понятие иметь надоть!

IV. «Скажи-ка, дядя...»

Витька обернулся. Перед ними стоял солдат, тот, что докладывал прапорщику о прибывших кавалеристах. Сухопарый, невысокий, лет, примерно сорока. Поперёк щеки – шрам, глаза весёлые, с хитринкой. Оладьев, припомнил мальчик. Офицер говорил с ним уважительно. Может, сержант? Какие звания были в 1812-м году? В голову ничего не приходило, кроме «генерал-аншеф». Нет, Оладьев хоть и выглядит заслуженным ветераном, но на генерала не тянет.

– Чтой-то вы тут околачиваетесь, сорванцы? – недовольно спросил солдат. – Это воинский бивуак, а не тяткино гумно! Ну-кося, докладайте, кто такие, и как сюды попали? И без врак, смотрите у меня!

И нахмурился, только глаза смотрели насмешливо. «Не сердится! Но отвечать всё же что-то надо, воинская часть, как-никак. Не дай бог, примут за шпионов...»

– Мы, товари... дяденька сержант, только хотели войско посмотреть! Мы ничего не трогаем, только ходим...

– Какой-растаккой я тебе сержант? – возмутился Оладьев. – Нету такого воинского звания в расейском войске! Эвона, у них, хрэнцузов, сержанты, а я – как есть унтер-офицер двадцатого егерского[5 - ЕГЕРЯ – Лёгкая стрелковая пехота. «Гренадеры и мушкетёры рвут на штыках, говорил Кутузов, а стреляют егеря».] полка! Капрал, по старому. Осьмнадцать лет на царской службе состою, и медаль имею, за поход на шведский берег!

– На шведский? – удивился Мишка. – Так ведь с шведами воевали ещё при Петре Первом! Как же вы...

И прикусил язык, когда Витька пихнул его локтём.

– И-и-эх, умники, комар вас забодай! – Верно, при государе Петре Великом наше войско шведов било. А четыре года назад снова война приключилась, за Финляндское княжество. Князь Багратион повёл нас по льду на самую ихнюю столицу, город Стекольну[б - Стокгольм]. А как мы туды пришли, сразу замирение вышло, а мне и прочим солдатам – медали!

– У нас в школе этого не проходили... – принялся оправдываться Мишка.

– Ну и дурнями выходят ваши учителя! – решительно заявил Оладьев. – Потому, должно знать о подвигах православного воинства! А, перво-наперво, о князе Петре Ивановиче Багратионе. Не человек, орёл: никого не боится, под землёй на аршин видит, солдатам отец родной!

– Так вашим полком Багратион командует? – продолжал допытываться Мишка, не обращая внимания на Витькины тычки.

– Ты, парень, смотрю, и вовсе из глухой деревни, коли такие вопросы спрашиваешь! – покачал головой капрал. – А говоришь – из Москвы... Да там, небось, кажинная собака знает, что князь Багратион – генерал от инфантерии и командует второй Западной армией! А наш полковой командир – их высокоблагородие подполковник Капустин Иван Фёдорович. Двадцатый егерский полк состоит в дивизии генерала Коновницына, в армии Барклая де Толли. Он-то немец, не то что, Пётр Иванович. Известное дело, министр, а уж солдату слова доброго не скажет. Ва-а-жной!

И сплюнул под ноги.

Не больно-то этого Барклая в армии любят, подумал Витька. А Мишка хорош: спал небось, на уроках истории, и теперь несёт всякую чушь! Это же надо придумать, Багратион – командует и полком!

Капралу, похоже, надоело беседовать с бестолковыми подростками.

– Ладно, огольцы, шагай за мной. Предоставлю вас ротному командиру. Да веселей гляди, он добрый, покормит вас прикажет. Небось, не едали

солдатского кулеша?

Кулеш оказался похлёбкой из пшена с салом. Густая, наваристая – ребята не заметили, как одолели по целой миске. Давешний офицер принял гостей радушно, велел угостить из ротного котла, и сам с удовольствием хлебал ароматное варево.

Подражая солдатам, ребята подбирали хлебными корками остатки кулеша, когда капрал Оладьев привёл к костру ещё двоих. Высокорослые, широкоплечие, в белых мундирах и высоченных, выше колен, сапожищах. У того, что помоложе, рука замотана тряпицей и висит в петле.

– Вот оне, вашбродие Сильвестр Иваныч, приبلудные!

– Пархом Жиленко, вахмистр третьей роты первого эскадрона Глуховского кирасирского полка! – браво доложил первый, вставая во фронт.

– Фаддей Скворода, рядовой! – раненый попытался вытянуться перед офицером, но вышло неловко – он скривился, на лбу проступили капли пота.

– Из малороссов,? – спросил прапорщик. Фаддей Скворода кивнул. – Да ты садись, садись, вижу – болит рука-то. В деле ранен?

Егеря подсунули раненому глуховцу свёрнутую шинель. Тот присел, и принялся баюкать потревоженную руку.

– Так что это его штыком боднуло, вашбродие! – ответил за товарища вахмистр. – Это когда мы на ихнюю пехоту в атаку ходили.

– И как сходили? – поинтересовался прапорщик. – Слышал, успех имели чрезвычайный?

– Так точно, господин прапорщик! – прогудел вахмистр. Он остался стоять, возвышаясь над низкорослыми егерями, как водонапорная башня над дачными домиками. – Как есть, порубали в хузары[7 - Круши их в пёси, руби в хузары! – традиционный боевой клич русской кавалерии.], и три пушки взяли! Оне, хранцузы, нас со своими попутали, а когда опомнились, уж поздно: мы в ряды

ворвались и пошли крошить палашами!

– Верно говоришь. – кивнул прапорщик. – Видите ли, братцы, во французской армии есть саксонский полк Цастова. У них каски похожи на наши кирасирские – из латуни, чёрной кожи и с гребнем. Вот пехота, наверное, и обозналась, на свою беду!

Егеря внимательно слушали командира. Видно было, что такие разъяснения для них привычны: прапорщик Яковлев следовал суворовской заповеди «Каждый солдат должен понимать свой манёвр».

– Так и было, вашбродие! – подтвердил вахмистр. – Как есть, обмишулились! Да и польские уланы[8 - Уланы – род легковооружённой кавалерии, вооружённый пиками, саблями и пистолетами. Отличительным атрибутом улан был четырёхугольный головной убор (уланка, рогативка).], когда в пики пошли, нас видать, за драгун[9 - Драгуны – род кавалерии, способной действовать и в пешем строю. Драгуны, в отличие от других видов кавалерии, имели ружья со штыками.] приняли. Драгуны-то, они в зелёных мундирах. А у нас поверх колетов чёрные кирасы, по ночному времени не сразу и отличишь! Мы те кирасы недавно получили, уже на марше, вот поляки нас за драгун и приняли! А как пики по железу залязгали, тут-то и поняли, что промашка вышла. Повернулись, и давай драпать!

Солдаты засмеялись.

– А что, вы их догнали? – спросил кирасира тщедушный солдатик.

– Ты вон, возьми промежду ног жердину и погоняйся, ерой! – снисходительно отозвался кирасир. – Уланы легко конные, и наездники знатные. Знамо дело, поляки! Рази ж на наших битюгах за ними угнаться? Да и команды такой не было: мы, как улан отбили, сейчас стали перестраиваться, чтобы на пехоту ударить.

– Это ж сколько разных народов с антихристом ентим идут! – вздохнул тот солдат, что чистил кивер. – И поляки, и ещё двенадцать языков. Австрияки – и те с ними, иуды, перемётчики! А мы-то им против Бонапартия помогали, при Аустерлице! Сколько народу тогда полегло...

– Верно, Кошкин. – кивнул офицер. – Есть у Наполеона и австрийский корпус. Он со всей Европы проходимцев набрал. Кто только ему не служит – пруссаки, вестфальцы, вюртембергцы, итальянцы, саксонцы... Поляков поболее других: целый корпус под началом графа Понятовского. Их Наполеон считает лучшими своими войсками. Только Старую Гвардию выше ставит.

– Лучшие-то они, может и лучшие – упрямо набычился егерь. – А только глуховцы их всё одно, в обратку погнали!

– Да, кирасиры показали себя молодцами. – согласился прапорщик – Они и решили Шевардинское дело. В штабе рассказали: когда батальон Одесского полка попал под удар кавалерии Мюрата, князь Горчаков прибегнул к хитрости: велел в темноте ударить барабанам в поход, и кричать «ура», но дела не завязывать. А сам послал адъютанта навстречу кирасирской дивизии генерал-майора Дуки с просьбой поспешать на помощь.

– В точности так, вашбродие! – физиономия вахмистра расплылась в довольной улыбке. – Как адъютант их светлости до нас доскакал, мы сразу и пошли на рысях. А за нами Нижегородский кирасирский. Слава Богу, подоспели! Пока неприятель соображал, что к чему, пока для атаки строился – мы уже тут как тут! Задали перцу, приходи кума любоваться!

– А всё же, Шевардино отдали... – сказал щуплый рядовой, тот, что предлагал гнаться за уланами. – Как же так вышло, коли вы всех порубали?

– Ты рот-то закрой, Терентьев! – прикрикнул Оладьев. – Ишь, умник выискался! Раз начальство велело отступить, значит, замысел имеет, стратегию! Вон, наши сегодня цельный день флеша да рвы копают – а всё потому, что вчера у Шевардина неприятеля отбили. Пока он стоит, мы оборону изготовим и встретим супостата картечами да штыками! В битве, оно как бывает? Иногда и отступишь на шаг, зато после десять отмеришь вперед!

Заскрипели колёса, всхрапнула лошадь. К костру подошли двое солдат. Один из них вёл в поводу лошадь, запряжённую в двуколку.

– Квартирьеры! – оживился Оладьев. – Што, отцы родные, водку привезли?

– А как же! – хохотнул тот, что держал поводья. – Кто хочет, ребята? Ступай к чарке!

Никто не шелохнулся. Сидящие у огня вздыхали, отворачивались. Седой егерь, почти старик, ответил за всех:

– Спасибо за честь! Не к тому изготовились, не такой завтра день!

И, шепотом, едва слышно:

– Мать пресвятая Богородица! Помоги постоять за землю своя...

Солдаты снимали фуражки и размашисто крестились. Лицо прапорщика Яковлева сделалось торжественным, и Витька почувствовал, как к горлу подкатывается ком. Прав Мишка, прав, всё в точности по Лермонтову:

«...Мы ждали третий день.

Повсюду стали слышны речи:

«Пора добраться до картечи!»

И вот на поле грозной сечи

Ночная пала тень.»

Вот она, ночь перед Бородинской битвой! И они, обычные школьники двадцать первого века, сидят у костра с русскими воинами и едят кулеш и слушают неторопливые, обстоятельные речи. А завтра по полю двинутся войска, загрохочут пушки и...

– Ну а вы, молодые люди, не расскажете, каким ветром вас сюда занесло? И одеты вы странно... Где это такие наряды в моде?

Витька встрепенулся, оторвал взгляд от кирасира. Ну вот, теперь придётся выдумывать! Прапорщик Яковлев – это не капрал Оладьев, тут лапшу на уши навешать будет потруднее. Дёрнуло же его надеть бермуды! Мишке хорошо, он в своей домотканине здесь, как родной. А ему-то как выкручиваться?

V. Трудные вопросы

Мишка одёрнул рубаху и решительно шагнул вперёд:

– Good evening, officer! Our father – a British scientist. We would like to see the army, but...

Витька от неожиданности поперхнулся и закашлялся. Приятель уверенно говорил по-английски, и прапорщик слушал его с растущим удивлением.

– погоди, погоди, не так быстро. Я ни слова не понял, уж прости. Вы чьих будете – англичане, голландцы? А ты, Оладьев, что ж не доложил, что иностранцев привёл?

– Так я ж думал, оне расейского подданства! – капрал с подозрением покосился на ребят. – Только что шпарили по нашенскому!

– Мы вполне владеем вашим языком! – Мишка перешёл на родную речь. – Но отец велел в разговоре с русскими офицерами непременно говорить по-английски, чтобы нас не приняли за... как это... за пейзаж. Он уверял, что русские дворяне весьма расположены к британцам.

– Расположены, а как же, – усмехнулся офицер, и Витька подумал, что усмешка эта не слишком весёлая. – Так вы, значит, подданные Его Величества Георга Третьего? Понятно. Любопытно только, как вы оказались посреди бивуаков?

– Мой отец – британский историк, состоит при штабе вашего главнокомандующего. Мы с кузеном уговорили его взять нас с собой, хотели своими глазами увидеть доблестную русскую армию. И вот – заблудились. Вы нам поможете?

Мишку будто подменили: говорит уверенно, будто по написанному. И офицер ему верит! Витька незаметно показал приятелю большой палец – молодчина, давай в том же духе!

– Помочь-то мы вам поможем. Только куда ж сейчас, в темноте? Я и сам, признаться, дорогу не смогу найти, да и егеря мои заплутают. Вы у нас переночуйте, а утречком, пораньше, пока баталия не началась, я вас отошлю с вестовым к коновницынскому штабу. Пускай там думают, как вас к папаше переправить.

Витька торопливо, пока прапорщик Яковлев не передумал, закивал.

– Вот и ладушки. Оладьев, поищи, где юным джентльменам прикорнуть. Шинели им дай, что ли, а то ночи стоят холодные. Под утро, поди, туманы будут, как бы, не застудились...

– Всенепременно, вашбродие! – отозвался капрал. А ну, Тереньтьев, притащи из телеги с хурдой две шинели! Да смотри, хорошие бери!

Щуплый солдатик кинулся прочь от костра. Прапорщик продолжал разглядывать ребят. Теперь в его глазах светилось любопытство, будто у энтомолога, рассматривающего редкий экземпляр жужелицы.

– Вот вы говорите, что ваш батюшка учёный? Так может вы слышали о «наступательных еростатах немца» Леппиха? Говорят, сам Государь это прожект одобрил, и будто бы князюшка Михайла Ларионыч весьма на него уповаает. Не рассказывал ваш батюшка о таком?

Витька снова поперхнулся. Аэростаты? Здесь? Что за бред?

Но Мишка не растерялся:

– Видите ли, сэръ, если бы мы и знали, то не могли бы ответить. Военные секреты, сами понимаете... – и многозначительно улыбнулся. Витька еле сдержался, чтобы не рассмеяться – Мишка явно переигрывает.

Прапорщик извлёк из-за обшлага листок серой бумаги. Егерь посветил головнёй, и Яковлев принялся читать – медленно, старательно выговаривая отдельные слова. Солдаты слушали, затаив дыхание:

– ... Здѣсь мнѣ поручено отъ государя было сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человекъ полетятъ, куда захотятъ: и по вѣтру, и противъ вѣтра; а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша, то завтра или послѣзавтрако мнѣ будетъ маленькій шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и гибели. Генераль Платовъ, по приказанію государя и думая, что его императорское величество ужъ въ Москвѣ, пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ и ѣдетъ послѣ обратнаго въ армію и поспѣетъ къ баталіи, чтобъ тамъ пѣть благодарной молебень и "Тебя, Бога, хвалимъ!".

– Писана сия афишка московскимъ главнокомандующимъ графомъ Растопчинымъ. Правда, «наступательный еростатъ» никто не видел, но слухи ходятъ, что опыты производятся, и вот-вотъ онъ будетъ запущен. Что ж, дай-то Бог...

Видимо, решил Витька, эта байка пользуется здесь успехом. Что с нихъ взять – тѣмные люди, ни наукъ, ни образования. Электричества, и того нетъ. Хотя, будемъ справедливы, разве в двадцать первомъ веке мало дикихъ слуховъ? И ведь люди верятъ! А этотъ Леппих, или какъ его тамъ – обыкновенный ворюга и коррупционер. Наобещалъ с три короба, сунулъ на лапу Растопчину, получилъ казѣнные деньги и пилитъ ихъ потихоньку, дѣлая видъ что строитъ воздушный флот. Тоже мнѣ, нанотехнологъ выискался... нетъ, ничего в этомъ мире не меняется!

Витькины мысли прервала вибрація в карманѣ. Быстрыйъ взглядъ на гаджет-детекторъ – красная батарейка, перечёркнутая наискось, тревожно пульсируетъ в уголке. А дальше что? Выброситъ назадъ, в двадцать первый векъ, или они застрянутъ в прошломъ без надежды на возвращеніе? Ведь электричество изобретутъ ещё очень нескоро.

Уходить? Ну ладно, они встанутъ, поблагодарятъ гостеприимныхъ егерей и уйдутъ с бивака. А дальше что? Искать загадочный «хронопробой» и надеяться, что «выходъ» тамъ же, где и «входъ»? Но куда идти, где искать? Вокругъ – костры, костры... Витька с ужасомъ понялъ, что не знаетъ, с какой стороны они пришли. Одна надежда, что гаджетъ подскажетъ.

«Детекторъ» не подвелъ. Вибрація, то слабѣла, то усиливалась, и наконецъ, приборчикъ заверещалъ, какъ зажатая в кулакѣ муха. На экранѣ вспыхнуло: «Не двигаться!», замелькали цифры: 6...5...4...3...2...1...

Мальчик невольно зажмурился – по глазам ударил яркий дневной свет.

Они дома, это ясно: малинник, крапива, над головой – небо без единой тучки, а вдали шумит электричка.

– Слушай, провала нет! Куда он делся?

Яма осталась на месте, но на её дне уже не колышется загадочная лиловая муть. Витька поспешно извлёк гаджет:

– Я так и думал!

На чёрном стекле возникла надпись:

1895 year BC. Not available.

609 year AD. Not available.

1812 year AD. Not available.

И ниже, по-русски:

Ждите. На повторный поиск хронопобоя понадобится 9 часов 37 минут. Вероятность нахождения – 68 %.

Начать поиск?

И две кнопки: зеленая галочка и красный косой крестик.

– Ничего себе! Значит, оно не совсем пропало? – шёпотом спросил Мишка. – Можно снова туда?..

- Ну... наверное. Если повезёт. Сам видишь, шестьдесят восемь процентов только...

Цифры на экране дрогнули.

- Во, уже больше – восхитился приятель. – Подождём, когда будет сто, и пошли!

- Погоди... – Витя нахмурился. – Помнишь, эта штука кроме даты ещё и время показывала – четверть двенадцатого ночи?

Мишка пожал плечами.

- Не, не помню. А кстати, почему мы ничего там не снимали? Выложить на Ютуб – было бы реально круто!

- Да погоди ты со своим Ютубом! – отмахнулся мальчик. – Я, когда мы подошли к этой дыре, нарочно время засёк. Было 12.37. А сейчас 14.42, как раз два часа и прошло, что мы просидели у егерей. Значит, время и там и здесь течёт одинаково!

- Какая разница, как оно течёт? Нажимай, уже почти девяносто пять!

Успеем ещё. Смотри: мы попали туда в четверть двенадцатого, а ушли примерно в половину второго ночи. Ещё девять с половиной часов на поиск. Значит – что?

- Что – «что»? Хорош выносить мозг, жми!

- Да подумай ты хоть немного! – заорал на бестолкового приятеля Витька. – Мы же окажемся там не раньше одиннадцати дня, так?

- Ну, так. – Мишка был явно озадачен. – Вот и классно, светло будет, фоток нащелкаем! Селфи с кирасирами – кучу лайков соберём!

- Ты что, совсем соображать перестал с лайками этими? Одиннадцать дня, это самый разгар сражения? Представляешь, что там будет твориться?

– Точно! – Мишка яростно поскрёб макушку. – А может это в тылу, и никакого боя там не будет? Посмотри по карте, там место отмечено...

– Это вряд ли. Кирасиры вышли от Шевардино к биваку егерей, верно?

– Ну да. Капрал так и сказал, что они прибились, когда своих догоняли.

– Вот и я о чём! А как бы они вышли к егерям, если бы те стояли в тылу? Значит, бивак был в первой линии!

Мишка хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ну я болван... Выходит, там будет самое пекло. Но ты, всё же, посмотри карту, вдруг мы ошибаемся?

Витька извлёк гаджет-детектор, но загадочный прибор отказывался работать. На экране упрямо мигала надпись: «Зарядите аккумулятор».

– Всё-таки сдох! Побежали домой, надо найти зарядку к этой штуке! А то настройки какие-нибудь сбоятся, и мы ничего не найдём!

VI. Колонна с орлом

Зелёный сектор на экране – индикатор поиска, – медленно увеличивался. Часы в уголке экрана показывали два ночи. Мишка давно дрых без задних ног, а Витька никак не мог оторваться от ноутбука. Поисковик выдавал ссылку за ссылкой: старинные карты Бородинского поля и труды современных историков; списки дивизий, корпусов, батарей и воспоминаний участников сражения. Пора остановиться, подумал он, пока мозги не закипели. Худо-бедно, а картина сложилась, дальше он только запутается.

Итак. Утро 7-е сентября (26-го августа по старому, дореволюционному стилю). На левом фланге русской армии третий армейский корпус Тучкова перекрывает Старую Смоленскую дорогу, не позволяя полякам Понятовского обойти левый фланг русской армии. Между его позициями и флешами, занятыми дивизией

Воронцова, стоит дивизия Коновницына, к которой относится и двадцатый егерский полк – тот самый, в котором служат прапорщик Яковлев и его солдаты.

Зря Мишка надеялся: полк не в тылу, а в первой линии, между Утицей и селом Семёновским. Егерям предстоит жаркая работа: им предстоит отражать яростные атаки Даву и Нея на флешах.

Ночь с 25-го на 26-е будет холодной, утро – ясным, прохладным, сырым. К рассвету над полем поднимется густой туман, но к половине шестого разъясняется, выступит солнце. В 5.50 прозвучал первый выстрел: батареи Сорбье и Пернетти откроют огонь по русским флешам.

Витя прокрутил вниз страничку, щелкнул по одной из ссылок:

Къ утру сонъ пролетѣлъ надъ полками. Я уснулъ, какъ теперь помню, когда огни одинъ за другимъ ужъ снимались, а заря начинала заниматься. Скоро какъ будто кто толкнулъ меня въ бокъ. Мнимый толчокъ, вѣроятно, былъ произведенъ сотрясеніемъ воздуха. Я вскочилъ на ноги и чуть было не упалъ опять съ ногъ отъ внезапнаго шума и грохота. Въ разсвѣтномъ воздухѣ шумѣла буря. Ядра, раскрывая и срывая наши шалаши, визжали пролетными вихрями надъ головами. Гранаты лопались. Въ пять минутъ сраженіе было ужъ въ полномъ разгарѣ. Многіе, вскочивъ отъ сна ночного, падали въ сонъ вѣчный. Взрытая выстрѣлами земля, включенная солома, дымъ и вспышки огня рябили въ глазахъ. Это вице-король Италіанскій повѣлъ свою знаменитую атаку на Бородино. Таковъ былъ канунъ и начало великой битвы у насъ...

– Что это ты откопал? – Мишка отчаянно зевал. – Проснулся вот, никак теперь не засну... – Он наклонился, силясь разобрать непривычный шрифт: – Ничего себе! Это наш прапорщик писал?

– Нет, это из «Очерков Бородинского сражения» Фёдора Глинки. Наши на бивуаке под обстрел не попадут, их ещё отправят к флешам.

– А про Яковлева ничего нет?

Витька помедлил.

- Да... нашёл.

На экране возникла колонна из красного гранита, увенчанная двуглавым орлом.

- Это памятник 3-й пехотной дивизии генерала Коновницына. На постаменте - списки погибших. На юго-западной стороне постамента... вот, смотри:

На серой каменной плите значилось:

20-го Егерского, нын?

130-го п?х. Петрозаводского полка.

Убиты:

Прапорщикъ Яковлевъ

и 28 нижнихъ чиновъ.

- Вот, значит, как... Не уберётся прапорщик. Неужели и остальных поубивало? И капрала Оладьева, и Терентьева, и того, седого, с тесаком?

- Может и нет. - поспешил успокоить приятеля Витька. - Двадцать восемь убитых - это потери всего полка. А те, кто в роте Яковлева могли и уцелеть.

- Всё равно, жаль прапорщика... - вздохнул Мишка. - Слушай, а можно их как-нибудь отыскать?

Витя опешил:

– Отыскать? Ты как себе это представляешь? Бегать под ядрами и спрашивать: «дяденьки, вы не знаете, где тут рота прапорщика Яковлева» Мы на поле будем только в полдень, а к тому моменту флешки уже падут, и двадцатый полк будет драться за Семёновский овраг. Может, и Яковлева к тому времени уже убьют...

– Но попробовать-то можно? – не сдавался Мишка. – Надо же узнать, что с ними случилось? И потом, не обязательно самим по полю бегать!

– Не обязательно? Это как?

– А с воздуха! с моей «пешки»! Прицепим к моей «пешке» вторую камеру, я буду пилотировать, а ты наблюдай!

– Не прокатит. – покачал головой Витька. – У тебя управление далеко бьёт? Метров на триста?

– На пятьсот! Я его прокачал, иногда и дальше выходит!

– Всё равно, мало. К тому же, «пешка» твоя слишком быстрая, ничего толком не разглядим.

– Можно пониже спуститься, – предложил Мишка. – Проведу на брешке, над головами. Солдаты услышат звук моторов, поднимут головы – тут-то мы лица и разглядим!

– Ага, и пальнут! Они же такого в жизни не видели, испугаются и начнут стрелять. Сотни ружей, хоть одно, да попадёт!

– Ну, это мы ещё посмотрим! Я зигзагом поведу...

Витька решительно помотал головой:

– Нет, не годится. Нельзя, чтобы они эту штуку видели. А то получится как с той бабочкой, помнишь?

– С какой ещё бабочкой? – удивился Мишка. – Не помню я никакой бабочки.

– Темнота! Это из рассказа фантаста Рэя Брэдбери. Между прочим, он в списке книг, которые задали летом прочесть.

– Делать мне нечего! – хмыкнул Мишка. – Учёба начнётся – начитаюсь, а сейчас вон, погода какая классная!

– Ну и зря! – менторским тоном изрёк Витька. – А то знал бы, что если раздавить в Юрском периоде бабочку, то из-за этого здесь могут выбрать не того президента!

– Да ладно? Круто! – восхитился Мишка. – Юрский период – это где динозавры?

– Да. Герой отправляется в прошлое на сафари, случайно сходит с тропы и... в общем, неважно. Главное: в прошлом нельзя ничего менять. Усёк?

– А как узнать, какую бабочку давить, чтобы у нас изменилось?

– Да при чём тут бабочка? – рассердился Витька. – Это же фантастика! На самом деле, может ничего и не изменится. А может, ты вообще на свет не родишься!

– Я? – опешил приятель. – Это ещё почему?

– А ты представь, что под «пешкой» окажется твой далёкий предок. Услышит он мотор, остановится, чтобы посмотреть вверх – а тут французское ядро! Если бы он не остановился – ядро бы мимо пролетело. После войны у него родился бы сын – твой пра-пра- и ещё сколько-нибудь раз «пра-» дедушка. А так он не родится – а значит, и тебя на свете не будет!

Мишка задумался.

– Нет, лучше не надо – наконец заявил он. – обойдёмся без дурацких опытов.

– Знаешь, а насчёт «пешки» – это мысль. Только надо взять не её, а мой квадрокоптер. Он и зависать может, и камера мощная, с круговым обзором. К тому же, тихий – может повиснуть над головой, а ты ничего не услышишь. Не то, что твоя тарихтелка! Отец его к медведице с медвежатами подводил метров на двадцать, а те даже не замечали.

– А что, дело! – оживился Мишка. – Спрячемся где-нибудь и с воздуха рассмотрим, всё, что надо. Никакого риска!

– Так и сделаем! – Витя решительно захлопнул крышку ноутбука. – А сейчас давай спать, завтра трудный день.

VII. Поле Бородина

Пушечный рёв ошеломлял. Ухо отказывалось улавливать в чудовищной какофонии боя отдельные выстрелы. Залпы, беглая стрельба батарей, грохот разрывов – всё сливалось в сплошной звуковой фон, который давил, пригибал к земле, терзая барабанные перепонки.

Слева, со стороны Утицкого кургана, где Витька знал это точно, корпус Тучкова вот-вот сбросит с высоты поляков Понятовского, пушечная пальба была особенно частой. С другой стороны, из-за села Семёновское, ревели орудия Курганной батареи: там Милорадович строил войска в каре, ожидая атаки кавалерии. Грохотал Семёновский овраг, за которым Коновницын собирал потрёпанные полки, отошедшие с занятых неприятелем флешей.

Бивак яковлевских егерей оказался пуст, и было видно, что оставили его в крайней спешке. Стояли сцепленные оглоблями телеги, между чёрными проплешинами кострищ разорённые навесы, шалаши, кое-где – забытые палатки, брошенные.

Заросли кустов, раскинувшиеся впереди, занимала русская пехота. Оттуда неслась ружейная трескотня. Разглядеть можно только задние шеренги; время от времени между ними лопались гранаты, давая небольшие облачка белого дыма.

– Чего ждём? – Мишка дернул приятеля за рукав. – Пошли к телеге, оттуда и посмотрим!

Телегу Витя узнал – за ней они прятались в прошлый раз. Даже свёрнутые палатки и связки кольев остались на месте. Рядом знакомое кострище; вот

чурбачок, на котором сидел прапорщик, а там они хлебали кулеш... Даже котелок сиротливо висит на жерди.

Телега давала какое-никакое, а укрытие, и Витька почувствовал себя увереннее. Он неплохо подготовился к вылазке – никаких бермуд и футболок, плотные походные штаны, берцы, серая куртка на пуговицах. За спиной брезентовый рюкзак: Серёжин-старший когда-то ходил с ним в походы. В рюкзаке кейс с квадрокоптером и прочий инвентарь: пульт дистанционного управления, запасные батареи, ноутбук. Мишка, снова облачённый в домотканые штаны и рубаху, волок на плече черную капроновую сумку. В сумке были: термос, двухлитровая бутылка «Святого источника», пакет пряников и аптечка – несколько индивидуальных пакетов и тюбик «Спасателя». Кто знает, как обернется дело, может, и задержаться придется? О заряде гаджет-детектора можно не беспокоится: аккумулятор полон, да и резервная батарея в наличии.

Мишка вытащил из сумки бинокль – двадцатикратник, встал в полный рост на телеге и принялся обозревать окрестности. Вид у него был чрезвычайно важный: будто это он, Мишка Сугорин, руководит войсками, а вовсе не его тёзка, князь Михаил Илларионович Кутузов.

Нет, это решительно никуда не годится!

Витька дёрнул приятеля за штанину, да так, что тот кубарем полетел на дно телеги.

– Ты что, офонарел? – прошипел Мишка, потирая ушибленный локоть. – Я из-за тебя чуть бинокль не расколотил!

– Лучше бы ты башку себе расколотил! Встал тут, как памятник... Не видишь – сюда идут?

К брошенному биваку приближалась пехотная колонна – примерно рота, прикинул Витька, человек двести. За ними пылят другие роты – наверное, выдвигается из резервов свежий батальон. Пропылённые, зелёные с красными воротниками, мундиры, белые панталоны. Ранцы, шинельные скатки через плечо, кивера, украшенные латунным изображением гренадки с горящим фитилём. Над строем колыхается щетина штыков.

- Егеря? – шёпотом спросил Мишка. – Наши?

- Нет, у егерей мундиры целиком зелёные. А это обычная линейная пехота, даже не гренадеры. У тех кивера с султанами, а у этих – только репейки. Видишь, маленький кругляш спереди, на кивере?

- Ясно... – разочарованно вздохнул приятель. – а я думал, они где-то здесь...

Колонна поравнялась с телегой, офицер скомандовал привал. Солдаты устраивались на отдых: скидывали ранцы, снимали скатки, составляли в пирамиды ружья.

- Давай спросим про Яковлева, а? – предложил Мишка. – Если что, снова наплетём про папашу профессора. В тот раз поверили, и сейчас прокатит! Не может быть, чтобы офицер не знал...

Витька почесал кончик носа.

- Вполне может и не знать. А может и послать подальше. Они же на нервах, в бой идут, а мы – с расспросами...

- Ну и пошлёт, с тебя что, убудет? Или хочешь отсюда квадрик запускать? Вот тогда нас точно не поймут.

- А если он спросит, зачем нам Яковлев – что ответим?

- Что-что? Скажем как есть. Бродили ночью по лагерю, познакомились с русским прапорщиком, разговорились, и вот, теперь волнуемся за его судьбу.

- Неудачное время вы нашли для прогулок, джентльмены! – поручик Леонтович был озадачен появлением необычных визитёров.

- Неровён час, ядро залетит, маменьки ваши убиваться будут. Шли бы в тыл, а уж после сражения разыскивайте, кого угодно. А я помочь вам не могу, ибо не в курсе. Наш Брестский пехотный полк стоял на правом фланге, и теперь нас двинули сюда, на помощь Двадцать Седьмой дивизии.

Вот, опять, подумал Витька. Он ещё в прошлый раз заметил, что здесь не умеют беречь военные секреты. Первому встречному выкладывают всё: и номер части и боевую задачу! Хотя, будь они французскими разведчиками – что делать с этими сведениями? Рации нет, пока просочишься через русские линии, к своим, обстановка сто раз изменится. Да и какая разница неприятельскому командиру, Брестский пехотный полк против него стоит, или Витебский? Он и сам всё знает – все эти выпуски, петлицы, этишкеты, ясно указывают на воинскую часть. Здесь не привыкли скрываться: в атаку идут в полный рост, перед боем строятся шеренгами, пушки ставят на открытом месте...

– Мою роту отрядили в стрелковые цепи, уж очень вестфальцы давят с фронта на бригаду князя Шаховского. – продолжал поручик.

– Здесь, в Утицком лесу, против неприятеля выдвинут заслон, наши у самого утра перестреливаются с поляками и потерю имеют изрядную.

А ведь прав был Яковлев, решил мальчик, здесь любят иностранцев. Вон как Леонтович разоткровенничался – увлёкся беседой с «британскими туристами», забыв и о роте и о том, что совсем рядом гремит бой...

– Вы советуете нам уйти в тыл, господин поручик? – осторожно спросил Мишка. – Куда нам направиться, чтобы выбраться в безопасное место?

– Ступайте-ка вы, пожалуй, с ратниками. – ответил офицер. Вон они, выносят раненых из линии. Выведут вас к обозу, а там уж наводите справки о вашем знакомце. Ратники много народу перетаскали, может статься, что и знают, где сейчас Двадцатый егерский.

Ребята огляделись. То тут-то там бродили группки по два-три человека – простые мужики с топорами за поясом, будто вышедшие из дому для хозяйственных работ. Они волокли носилки, вели под руки раненых и покалеченных людей, тащили вёдра с водой. Ополченцы, догадался Витька. Только почему-то без оружия, с одними топорами – а ведь на картинках их всегда рисуют с пиками и вилами. А они, оказывается, служат санитарями.

– Смоленские и московские ратники. – подтвердил его догадку Леонтович. – Наряжены выносить раненых из-под пуль, из-под копыт и колес конницы и артиллерии. Главнокомандующий позаботился: в армии, как в хорошем

хозяйстве, всё разумно устроено. Солдаты воюют, а если поранило кого – надо скорее беднягу из боя вынести и доставить к лекарям. Вот ополченцы к этому и приставлены. Помогай им бог, люди беззаветные и добросовестные. У иного ядро над головой свистнет, а он только снимет шапку, перекрестится – «Господи помилуй!» – да и продолжит труды. Говорят, за войсками стоит тысяча двести подвод. Туда раненых и сносят, а уж потом переправляют в лазарет. И вы с ними ступайте, нечего вам в первой линии околачиваться!

Дробно ударили копыта: на галопе подлетел ординарец:

– Господин ротный начальник, вам велено повести колонну вон туда. – и махнул рукой в сторону низинки, откуда густо подымались ружейные дымки. – Господин майор Березинский просит: ради Бога, поспешайте, как можете, егерей жмут, и вот-вот опрокинут. На ваш батальон вся надежда!

– Ну всё, юноши, ступайте, не до вас теперь! – поручик кивнул на прощание и заторопился к стрелкам.

– Шинели катать! – донеслось до ребят. Не прошло и пяти минут, как роты одна за другой двинулись. Там, где отдыхали солдаты, землю устилали ранцы – в бой шли налегке, избавившись от всего, что могло стать помехой в штыковой схватке. Только, серые солдатские шинели были перекинута через плечо; плотно свёрнутое сукно не раз спасала жизнь владельцам, которые после дела находили в нём застрявшие пули. Поручик Леонтович шагал в голове колонны, справа, отсчитывая такт: «левой... левой... левой...»

«Сколько ранцев останется к вечеру невостребованными?» – подумал Витя. Нехитрое имущество погибших разделят товарищи, а бесхозные отныне ранцы навалят в обозные телеги и повезут в тыл вместе с прочим ротным скарбом – «хурдой», как говорил Оладьев. Где-то он сейчас, жив ли?

VIII. Дубина народной войны

Трое ополченцев-ратников волокли в тыл носилки с раненым стрелком. Они охотно взялись проводить ребят до обоза – «вагенбурга», как непонятно

выразился старший по команде. Это был осанистый дядька с аккуратно подстриженной бородой, одетый, как и другие ополченцы, в серый суконный кафтан и шаровары. На голове – высокая шапка с большим латунным крестом, на котором выбита надпись: «За В?ру и Царя» и вензель: буква «А» с римской единицей и императорской короной.

За поясом у ратника торчал длинный пистолет, украшенный перламутром. На плече он нёс то, что Витька издали принял за мушкет со штыком. Но оказалось, что это никакой не мушкет: деревянный дрын, которому придали вид ружья с прикладом. Ни ствола, ни замка не было в помине; сверху дрын заканчивался грубо выкованным острием самого зловещего вида.

Арсенал других ополченцев оказался поскромнее. У одного из-за кушака торчал плотницкий топор, второй щеголял подозрительно знакомым предметом...

– Смотри... – прошипел Мишка. – Вон у того, рыжего – у него что, бейсбольная бита?

Витя пригляделся. Точно, бита, только покорооче обычной. Толстый конец венчает гранёная чугунная насадка, в рукояти – дырка, через которую зачем-то пропущена скоба с крюком. Оставалось только гадать, что за спортивный инвентарь таскают с собой московские ополченцы.

А те не обращали на новых попутчиков никакого внимания – разве что поглядывали порой искоса. Они были заняты – увлечённо препирались друг с другом.

– Вы, брадобреи, народ известный! – говорил бито владелец. – Сплошь чёртовы хвататы, из аду головешки таскаете, и не обожжётесь!

– Дярё-ёвня – насмешливо отвечал тот, что с пистолетом. – Даром, что уж который год сидишь в Охотном ряду при лабазе, а всё понимания нету. Как был дярёвня, так и помрешь! Наше дело тонкое, деликатное, мы к людям заботу имеем.

– Знаем, мы ваши заботы! Кум у меня в Тверской части околоточным – так он жалился, как опосля вашего бритья прыщами пошел! Уж как маялся, горемыка, сколько льняного масла извёл...

– А неча ему, охальнику, чужеяду, безденежно бритье наводить! – огрызнулся ратник. – Конешно, когда приходит даромовое зеркало[10 - Дармовое зеркало – бесплатный клиент, городской, околоточный, староста и прочее мелкое начальство.], я бритву прямо держу, чтобы щека в раздражение пришла. Ничо, помается, вдругорядь поостережётся! Мало что ль, нашего брата на Сретенке, пущай вон, к другим идёт...

Витька гадал о чём идёт речь. Слова, вроде бы, знакомые, а вот о чём идёт речь – это от его ускользало. – судя по всему, брадобрей, парикмахер на старинный лад, – заметил недоумение мальчика:

– А вы барин, наших разговоров не понимаете? Не из московских, чай? А дозвольте узнать, как ваше святое имечко?

Узнав, что случайные спутники – британцы, «парикмахер» удивился:

– Энто как же вас занесло в наши Палестины? Нехорошее время выбрали, война у нас, вишь какое дело!

И, не дав «иностранцам ответить, продолжил:

– Вы, аглицкие немцы, люди чудные. Сколько я вашего брата на Кузнецком повидал – простых слов не понимаете, лопчете не по нашему, всему дивитесь, быдто полудурки какие. Оно и понятно – поживи на острове, не таким сделаешься! Ехали бы вы домой, што ли...

Витька вспомнил, как в школе принимали делегацию из английского колледжа. Завучиха, весьма продвинутая дама, работавшая по программе обмена с неким российско-британским университетом, не знала, как угодить высоким гостям – улыбалась подобострастно, поддакивала – по-английски, разумеется. А тут – «полудурки», «лопочут»... никакого почтения к представителям самой культурной нации!

– Мы люди особые. – не умолкал «парикмахер». – На все руки мастера, оттого нас и выделили. Начальство уважило, в санитары произвело. Мы, ежели надо, и гостью приветим, пивяицу, значить поставим. Можно склад хозяйский потрепать – это, ежели живот от газов вздует, разминаем. Надо – кровь отворим, надо –

копыта сравниваем, это по нашенскому, мозоли срежем на ступнях. Кишки, опять же, лудить, зубы драть. Вот и выходит, что самое наше место при гошпитали. Вот, лекарскую сумку выдали!

И с важным видом похлопал атрибуту своей должности.

Ничего удивительного, подумал Витька, что «парикмахер», как смыслящий в медицине человек, назначен старшим санитарной команды. Он и рану промыть может, и перевязать, и наскоро сложить раздробленную ногу в лубки. Другие такими навыками не обладают.

Когда цирюльник притомился болтать, к беседе подключился ратник с «битой». Он пошёл в ополчение из охотнорядских сидельцев – был то ли сторожем, то ли приказчиком при лавке, торгующей съестным. Его загадочное оружие оказалось безменом, простейшими весами, на каких в лавке взвешивают товар. «Сиделец» охотно делился секретами своего ремесла:

– Вот, извольте, объясним. Крупу досыпать надо себе на пользу – на весах. Мясо можно за косточку в большом куске придержать.

Алтын какой-нибудь, а сколько из всего напрыгает! Тут и греха нет, зато товарищ наилучший дадим!

Ребята рассмотрели таинственный артефакт. На железной рукояти выбиты поперечные бороздки разной длины – отсчитывать вес. Гранёная чугунная насадка заменяет гирию; к крючку на другом конце подвешивают товар. Безмен удобно ложился в ладонь – солидная штука, тяжёлая, хватистая.

– Самое милое дело, при нашей-то должности! – разливался лабазный сиделец. – Слыхали, небось, загадку: «у деда под крыльцом висит дубина с кольцом, налита свинцом»? Безмен – он под рукой завсегда, а ежели тать ночью залезет, я его враз угомоню. И хранцузу голову расшибу, невелика хитрость!

И засмеялся, широко разевая рот.

Третий ратник оказался крепостным из подмосковного сельца. Он трудился в барской оранжерее: выращивал цветы и возил их по пятницам Москву, по

заказам знатных господ – украшать залы к приёмам и балам. «Цветовот» больше отмалчивался, стесняясь своих бойких товарищей. Рассказал только, что «барин, как вышел царский манихвест[11 - Манифест Александра I о сборе внутри государства земского ополчения. 6 (18) июля 1812 г.], не медля ни дня, велел и дворовым мужикам, и деревенским, кто охоту имел, вступать в казаки».

«Казаками» называли крепостных подмосковных крестьян и городских обывателей, набранных в пешее ополчение. Оружие для них закупило московское купечество; начальниками полков поступали дворяне, из числа тех, кто не состоял на военной службе. Здесь, на Бородинском поле, до двадцати тысяч Московского и Смоленского ополчения. Ратники копали траншеи, возводили редуты и флеши, а в день битвы им было велено собирать и выносить раненых.

– А начальствует над московскими ратниками их сиятельство граф Ираклий Иванович Морков. – объяснил брадобрей. – Цельный енерал, ишшо при Ляксандре Васильиче Суворове получил Егория[12 - Орден Святого Георгия, высшая военная награда Российской империи.], за Очаков. В почтенных уже годах, но храбёр!

– А вы были в бою? – поинтересовался Мишка. – Или только раненых таскаете?

– Говорят, наши, московские ходили в атаку возле Утицы. – помедлив, ответил охотнорядец. – Под командой самого енарала Моркова. Хранцузов побили – страсть! А нас вот к санитарному делу приставили. Но ничо, начальство велит – пойдём в отражению и в грязь лицом не ударим. Оружие, небось, имеется!

– Рази ж это оружие? Барахло ломаное, почитай с позапрошлого царствования в амбары свалено! Пики да сабли ржавые, один мушкет на пять душ – куды ж это? Кузнецов по всей Москве рогатины ладить нарядили, а то б и вовсе пошли с пустыми руками...

И брадобрей пренебрежительно подкинул в ладони своё «недоружье».

– Пороху, мушкетов мало, а какие есть – стрелять не годятся. Куды ж с ними? Кто смог – сам обзавёлся ружьишкой или пистолью...

И погладил рукоять инкрустированного пистолета за поясом.

– Енто я на Сухаревке купил, с турецкой войны привезённый. Ничо, стрелит хорошо.

– Тока он его зарядить не умеет – ухмыльнулся охотнорядец. – Вчерась возилсЯ-возилсЯ, весь порох раструсил, а пистоля пшикнула, и всё! Поди, хранцузА пшиком напугай!

– Так на государевой службе науку батогАми вбивАют! Видал я пехоцкие учения на плацу, возле Лефортовских казарм: «Полку сдуй!» да «патрон скуси», да «заряд прибай...» Енто только накушавшись гороху запомнишь, а капралы, как попутаешь, сразу в рыло кулачищем лезут, Не-е-е, не надо нам таких наук! Мне пистолю знакомец зарядил, ратник, из егерей. Он сам охотник, с ружжом ловко управляется...

– Побитых воинов таскать – дело богоугодное. – подхватил лабазный сиделец. – Говорят, у хранцузов кого поранят – он так и лежит, где упал, али в тыл ползёт. А остальные через его перешагивАют, как через собаку какую. Их, болезных, копытами да колёсьями пушечными давят. Редко который доберётся до лазарету и там кончится...

– Нашёл, кого жалеть! Небось в Бога не веруют, в церкви не ходют. Поделом вору и мука.

– Оно конешно. – согласился охонорядец. – А всё живое дыхание, тварь божья...

А неча без спросу на расейскую землю лезть! Кто ихнего анператора Бонапартия сюды звал? Небось, у нас свой царь есть, Богом помазанный. Нам чужих не надо!

Стрелок на носилках заворочался, захрипел: «ой, не могу, родненькие, худо. Водицы испить дайте, а то помру...»

Носильщики остановились, ратник наклонился к раненому с манеркой. Забулькало, жестяное горлышко застучало о зубы.

– Ты потерпи, страдалец... – тихо увещевал солдата брадобрей. Мамую малость иттить осталось – во-о-он за теми кустиками ужА вагенбург. Взгромоздим тебя на телегу, шинелю подстелим – и ездай себе в гошпиталь. Коли Господь

сподобит, выздоровеешь. А помрёшь – так батюшка вчерась говорил, что пострадавшие за отечество к праведникам в рай попадают!

Стрелок жадно хлебал воду. Ополченец дождался, пока он напьётся, хозяйственно обтёр горлышко манерки и повесил её на плечо, рядом с лекарской сумкой.

– А вы, чего встали? – прикрикнул он на носильщиков. – Давай, скорым шагом, неси пораненного героя! Да легче, храпоидолы, не видите – мучается человек, томно ему...

IX. Нам сверху видно всё!

– Вот тебе и крестьянское ополчение! – хмыкнул Мишка. – По-нашему, эти трое – стилист-парикмахер, складской менеджер и флорист.

– Не, он скорее, цветовод. – возразил Витька. – Флорист – это тот, кто букеты составляет. А так, они все крестьяне: я читал, что сельские жители из подмосковных деревень ходили в Москву на заработки – это называлось «на промыслы», – и оседали насовсем. Как тот, охотнорядский.

– Гастарбайтеры, значит... – глубокомысленно заметил приятель. – Двести лет прошло, а всё по-прежнему. Только пробки появились, и Интернет.

Их высадили возле разорённой деревеньки, где размещался разъездной госпиталь. Сюда то и дело прибывали телеги и санитарные кареты. Многие раненые приходили сами, опираясь на ружья, поддерживая друг друга. Вот санитары извлекли из коляски генерала в богато расшитом золотом мундире. Тот охал, стонал, мотал головой, перевязанной окровавленной тряпкой – война не разбирала чинов.

В «разъездном госпитале» пользовали тех, чьи раны не терпели отлагательства. Легкораненых перевязывали на полковых медицинских пунктах; тяжёлых собирали для отправки в тыл, в главный временный госпиталь, один из трёх, развернутых при армии.

В дворе, сплошь заставленном порожними фурами, санитарными каретами, аптекарскими повозками, царила суета. Повсюду брань, стоны, вопли, полные мучительной боли; откуда-то доносится дребезжащий голос дьячка – отпевают тех, кому уже не помочь. Ополченцы, пробегая мимо уложенных в ряд тел, срывали шапки и крестились.

Ребята пробрались к амбару, приткнувшись в глубине двора. Внутри амбар был заставлен старыми телегами и санями, по углам громоздились порожние бочки. По лестнице, сколоченной их жердей, забрались на сеновал. Сена там почти не было, лишь возле узкого окошка уцелело несколько охапок. Остальное выгребли вездесущие фуражиры.

– Вот тут и засядем. – шепнул Витька. – Со двора нас не видно, а нам, сверху, неплохой обзор.

– А если найдут? Снова врать про папу-профессора?

– Почему бы и нет? Скажем, что испугались стрельбы и решили спрятаться. Ну, прогонят, невелика беда...

Мишка привычно поскрёб кончик носа.

– Я вообще не понимаю, что мы тут забыли. Раз решили искать егерей Яковлева – надо прятаться поближе к биваку, оттуда запускать квадрик. А мы вон как далеко! Это ж сколько лететь, никакой батарее не хватит...

Хватит. – уверенно ответил Витька. – Запас хода до сорока минут, управление бьёт на десять кэмэ – всё поле в зоне доступа. К тому же, там повсюду войска. Прикинь – стоят батальоны, гусары скачут, пушки палят, а посреди всего этого два пацана сидят на травке и пялятся в монитор! Да нас, как увидят, сразу за рога и в стойло! А здесь хорошо, спокойно. Если кто и полезет кто на сеновал – услышим и спрячем всё лишнее.

На подготовку аппаратуры ушло минут двадцать. Витька опасался, что квадрокоптер, вылетающий из амбарного окошка, увидят, а потому было решено запускать его с крыши. Мишка пролез между жердинами, разворошил прелую солому, которой были устланы скаты, и пристроил беспилотник на самом коньке.

– Давай!

Негромко зажужжали моторчики, и первый в истории воздушный разведчик взлетел над Бородинским полем.

Вид сверху походил на кадры исторического фильма: прямоугольники пехотных батальонов, пушки, стоящие с правильными интервалами, отряды кавалерии. Витя вёл квадрокоптер метрах в пятидесяти над землёй, и с высоты люди и лошади казались раскрашенными фигурками, вроде тех, что выставляют в витринах магазинов, торгующих масштабными моделями.

– Ниже бери! – скомандовал Мишка. Он вглядывался в экран ноутбука, куда было выведена картинка с подвесной камерой. – Так мы никого не найдём, даже лиц не видно!

Витька опустил аппарат пониже. Он летел над головами солдат, но ни один из них не посмотрел вверх. Немецкий проходимец – или мечтатель? – Леппих так и не построил свои «наступательные еростаты», и никто здесь не ждёт удара с воздуха, не смотрят с опаской в небо. А жужжание моторчиков не слышат в пушечном громе, накрывшем поле от края до края. Ни одно лицо не поднялось к камере: на экране мелькали кивера с разноцветными султанами, чёрные, с гребнями, драгунские каски, офицерские шляпы, квадратные шапочки-рогативки улан, головы, перевязанные окровавленными тряпицами – и снова каски, кивера, султаны...

Внизу проносился Семёновский овраг, сплошь затянутый дымами. Мелькнула шеренга знакомых тёмно-зелёных мундиров – егеря! Напротив, в полусотне шагов, щетинилась штыками неприятельская пехота. Вестфальцы, вспомнил Витя; поручик Леонтович говорил, что они жмут на русские части. Мишка провёл камерой вдоль шеренги, и в разрыве дымной пелены показались барабанщики. Они стояли на фланге батальона – четыре фигурки, такие маленькие на фоне рослых вестфальских фузилёров в белых с синими отворотами мундирах. Солнце сверкало на медных обручах громадных, в половину роста владельцев, барабанов.

Мишка приблизил картинку. Совсем мальчишки, понял Витька: самомурослому, на вид не больше тринадцати. И как они только таскают эти штуковины?

Со стороны русских егерей ударил слитный ружейный залп. Экран снова заволочло дымом, ребята увидели, как двое мальчишек валятся, роняя барабаны. Оставшиеся двое упрямо стучали палочками, будто не замечая гибели товарищей.

Витька зажмурился.

Что же это такое? Они что, одурели – детей на войну гнать? Эти барабанщики шли сюда через всю Европу вслед за своим Наполеоном. А зачем? Дома не сиделось?

Квадрокоптер, подчиняясь движению джойстика, завис над русским строем. Мишка проехался камерой по лицам.

– Можешь ещё ниже? Не видно ничего...

– Куда ещё ниже-то? – огрызнулся Витька. – По головам, что ли, ходить? Того гляди, за штыки зацеплюсь...

Квадрокоптер висел метрах в пяти над егерями. Неприятельский строй затянуло пороховым дымом – вестфальцы дали ответный залп. В русских рядах стали падать солдаты, офицер на фланге, вскинул шпагу, рот его открывался в беззвучном крике, и егеря, опустив штыки, всей массой двинулись вперёд. Вестфальцы качнулись навстречу и шеренги столкнулись. Ребята смотрели на экран, как замороженные; видно было, как тёмно-зелёные мундиры смешались с белыми, застыли в неустойчивом равновесии, и вдруг вся спутанная масса пехоты отхлынула назад. Вестфальцы побежали, не выдержав удара в штыки.

А как же барабанщики? – с ужасом подумал Витя. Когда шеренги столкнулись, их наверняка затоптали, смяли: из такой мясорубки и взрослый не выберется, не то что тринадцатилетний пацан с тяжеленным барабаном!

Мишка в ударил кулаком по коленке.

– Всё, пустой номер. Никого мы в этой каше не найдём, глупо и пытаться...

Витька выдохнул – оказывается, всё это время он сидел, задержав дыхание. А егеря уже возвращались после контратаки, строились в шеренги...

Индикатор заряда показывал восемьдесят семь процентов – неплохо.

– Может, просто пролетим над полем, пока время есть? – предложил Мишка. – Поснимаем: вон какие кадры роскошные, Голливуд от зависти удавится! Представляешь, сколько налайкают, когда мы это всё выложим?

Этого Витя выдержать не мог.

– Никак не уймешься? – заорал он. – Голливуд тебе, лайки? Прославиться захотелось?

После страшной сцены с барабанщиками, ему было дико, что приятель может думать о такой ерунде.

Мишка опешил – он не ожидал такой бурной реакции.

– А что тут такого? Все ведь снимают, а мы чем хуже? Как что-нибудь взорвут, или, скажем, авария – сразу народ с телефонами набегаёт, и через пять минут это всё в сети!

– Вот именно! Хочешь быть вроде этих хомячков? Ты глаза разуй, это же всё живые люди, а не пиксели! Не стыдно?

Мишке стало неловко. Он тут радуется эффектной картинке, а там, на поле, умирают люди. И не один, не два – сотни, тысячи!

– Нет, я всё понимаю. Но это ведь исторические кадры, верно? Не спецэффекты какие-нибудь, всё взаправду! Они, наверное, важны для учёных, для историков!

– Важны, важны... – пробурчал Витька. Он уже не сердился. – Ладно, пройдемся над Семёновским, и дальше, к Курганной батарее. Скоро будет решающая атака французов, вот и снимай, сколько влезет!

– Дело! – обрадовался Мишка. – А обратно дорогу найдёшь? Вон что внизу творится...

– Ерунда! Вернём на автомате, но ДжиПиЭс, есть такая функция.

И осёкся. Они несколько секунд молча глядели друг на друга, а потом расхохотались.

Ну я и болван! – сказал, отсмеявшись, Витя, – Откуда тут ДжиПиЭс, до первого спутника ещё полторы сотни лет...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Манерка – солдатская жестяная фляга с крышкой в виде стакана.

2

Квартирьер – военнослужащий, направляемый по пути следования части для поиска и распределения мест постоя.

3

Флеши – полевые укрепления. Состоят из двух фасов длиной 20–30 метров каждый, углом в сторону противника.

4

Редут – укрепление сомкнутого вида, с валом и рвом, предназначенное для круговой обороны.

5

ЕГЕРЯ – Лёгкая стрелковая пехота. «Гренадеры и мушкетёры рвут на штыках, говорил Кутузов, а стреляют егеря».

6

Стокгольм

7

Круши их в пёси, руби в хузары! – традиционный боевой клич русской кавалерии.

8

Уланы – род легковооружённой кавалерии, вооружённый пиками, саблями и пистолетами. Отличительным атрибутом улан был четырёхугольный головной убор (уланка, рогативка).

9

Драгуны – род кавалерии, способной действовать и в пешем строю. Драгуны, в отличие от других видов кавалерии, имели ружья со штыками.

10

Дармовое зеркало – бесплатный клиент, городской, околоточный, староста и прочее мелкое начальство.

11

Манифест Александра I о сборе внутри государства земского ополчения. 6 (18) июля 1812 г.

12

Орден Святого Георгия, высшая военная награда Российской империи.

Купити: https://tellnovel.com/batyrshin_boris/den-kotoryy-ne-izmenit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)